

Сергей Александрович Власов¹
vlasov54@bk.ru

ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС В ГОРОДАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе широкого круга архивных источников рассматривается процесс решения жилищного кризиса в городах Дальнего Востока после окончания Гражданской войны. Установлено, что советское государство, решив улучшить жилищные условия прежде всего трудящегося населения, проводило на основе классового подхода политику изъятия частного жилого фонда (муниципализацию) и его перераспределения в пользу малоимущих. Выявлено, что такие важные методы ликвидации жилищного кризиса, как жилищное строительство, надлежащий уход за жильём, его своевременный ремонт, развитие промышленности строительных материалов и ряд других, не были задействованы в должной мере. С учётом того, что темпы роста городского населения существенно опережали прирост жилого фонда, жилищный кризис не только не был преодолён, а с каждым годом усугублялся. Отмечено, что первое время власти не придавали должного значения сложившейся ситуации, их озабоченность стала проявляться с началом индустриализации. В заключение делается вывод, что к концу 1920-х гг. жилищный кризис не был преодолён, он продолжался в последующие годы, к его ликвидации советское государство приступило лишь в конце 1950-х гг. с началом массового жилищного строительства.

Ключевые слова: жилищный кризис, муниципализация жилья, жилищное строительство, жилищная кооперация, стройматериалы, капитальный и текущий ремонт, квартирная плата.

Sergey A. Vlasov¹
vlasov54@bk.ru

HOUSING CRISIS IN THE CITIES OF THE FAR EAST AFTER THE END OF THE CIVIL WAR

The article examines the process of resolving the housing crisis in Far Eastern cities after the end of the Civil War on the basis of a wide range of archival

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

sources. It is established that the Soviet state, having decided to improve the housing conditions, primarily of the working population, on the basis of a “class approach” pursued a policy of withdrawal of private housing stock (municipalization) and its redistribution in favor of the poor. It was revealed that such important aspects for the elimination of the housing crisis as housing construction, proper care of housing, its timely repair, the development of the building materials industry, and a number of others were not involved in due measure. Taking into account the fact that the growth rate of the urban population significantly outpaced the growth of the housing stock, the housing crisis was not only not overcome, but was getting worse every year. It is noted that at first the authorities did not attach due importance to the existing housing situation, their concern began to manifest itself with the beginning of industrialization. In conclusion, it is concluded that by the end of the 1920s the housing crisis was not overcome, it continued in subsequent years, the Soviet state began to eliminate it only in the late 1950s with the beginning of mass housing construction.

Keywords: housing crisis, housing municipalization, housing construction, housing cooperation, building materials, capital and current repairs, rent.

На Дальнем Востоке Гражданская война продолжалась до осени 1922 г., основные её сражения проходили вне пределов городов, что позволило в основном сохранить жилой фонд, за исключением Николаевска-на-Амуре: в 1920 г. он был почти весь уничтожен, из 1200 домов сохранилось только 35. Однако в последующие два года начались восстановительные работы, и к осени 1922 г. в городе было построено около 400 домов [9, с. 103]. Помимо Николаевска-на-Амуре, в годы войны немного пострадал Хабаровск, где имелись незначительные разрушения [РГИА ДВ. Ф. Р-1810. Оп. 1. Д. 8. Л. 114], но в целом в городах сохранился практически весь довоенный жилой фонд. В Приморье за годы Гражданской войны он даже несколько увеличился. Так, в 1918—1920 гг. в четырёх населённых пунктах (Владивостоке, Сучане, Спасске, Имане) было построено 13,2 тыс. кв. м жилья [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 319] (это без учёта Никольска-Уссурийского, по которому данных нет).

Тем не менее отрицать тот факт, что война сказалась на состоянии жилого фонда городов, не следует, так как, помимо разрушений, связанных непосредственно с военными действиями, часть ветхого жилья была разобрана для отопления, часть из-за отсутствия ремонта пришла в негодность. Однако и преувеличивать масштабы кризиса, говорить о катастрофическом положении не стоит.

После войны, по оценке Дальревкома, на всей территории Дальневосточной области (Дальний Восток, включая Забайкалье) на

восстановление разрушенных жилищ требовалось 6,115 млн руб., на капитальный ремонт — 4,813 млн руб. Предполагалось, что работы по восстановлению жилого фонда и разрешению жилищного кризиса захватят несколько строительных сезонов в зависимости от материальных ресурсов и местных условий [РГИА ДВ. Ф. Р-1810. Оп. 1. Д. 8. Л. 114]. Помимо восстановительных работ, в планах было намечено начало нового жилищного строительства — возведение садов-посёлков или садов-городов, где для советских рабочих хотели строить жилища по образцу американских пригородных посёлков с домами-коттеджами, рассчитанными на одну семью, с приусадебными участками, что, по мнению проектировщиков, соответствовало интересам рабочих. Но это были перспективные планы, а для начала нужно было решать текущие вопросы, и они исполнялись в рамках жилищной политики, которая в то время проводилась по всей стране и стала реализовываться на Дальнем Востоке после ликвидации ДВР и включения её территории в состав Советской России.

Жилищная политика первых лет советской власти заключалась в следующем: 1) проведение национализации (муниципализации) частного жилого фонда с последующим перераспределением его в пользу трудящихся, исходя из минимальных санитарных норм (8,25 кв. м на человека); 2) учёт количества разрушенных жилых строений и потребности в кредитах на восстановление и проведение капитального ремонта; 3) начало жилищного строительства, прежде всего для рабочих, в рамках жилищных кооперативов.

Муниципализация и перераспределение жилья проводились на основании Декрета ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» [3, с. 232—236]. Закон о национализации жилья был подкорректирован в 1921 г. с введением НЭПа. В августе 1921 г. был принят декрет «О предоставлении кооперативным объединениям и отдельным гражданам права застройки городских участков», в декабре того же года — декрет СНК о демуниципализации небольших жилых зданий, согласно которому часть домов, состоявших на балансе городских коммунальных хозяйств, сдавалась в аренду частным лицам и учреждениям. Тем самым был восстановлен институт домовладельцев. Делалось это с расчётом на то, что благодаря частной инициативе удастся восстановить часть жилого фонда, вести капитальный и текущий ремонт имеющегося жилья и строить новое.

Все вновь установленные законы и правила в жилищной сфере начали действовать с 1923 г. и на территории Дальнего Востока. 24 апреля 1923 г. Дальревком принял постановление, которое предписывало местным губернским исполкомам провести муниципализацию

недвижимости на основе закона от 20 августа 1918 г. Национализации подлежали частновладельческие строения, стоимость которых превышала 10 тыс. руб. золотом; этой процедуре не подвергались жилые дома меньшей стоимости. Национализировались также бесхозные строения и недвижимость лиц, уличённых в контрреволюционной деятельности.

Собственники недвижимости стоимостью менее 10 тыс. руб. обязаны были добровольно предоставить в распоряжение горсовета 10% жилой площади имеющегося домовладения. Таким путём формировался муниципальный жилищный фонд для удовлетворения потребностей трудящихся, государственных учреждений, профессиональных и общественных организаций.

Жилищная политика первых лет советской власти сводилась к тому, чтобы максимально удовлетворить интересы малоимущих слоёв общества за счёт состоятельных сословий и представителей среднего класса, т.е. стал применяться классовый подход. Одновременно государство, используя национализацию, начало формировать собственный жилой фонд. Так, по данным переписи 1926 г., из имевшегося жилого фонда в городах Дальневосточного края (ДВК)² в 2,381 млн кв. м, доля муниципалитетов составляла 330 тыс. кв. м, или 14% [2, с. 261]; к концу 1920-х гг. муниципализированный фонд составил 26%, что было на уровне среднего показателя по РСФСР — 25,37% [РГИА ДВ. Ф. Р-4611. Оп. 1. Д. 42. Л. 61].

Однако решить жилищный вопрос за счёт экспроприации и перераспределения жилья не удавалось. Жилищное строительство велось в ограниченных размерах, в основном частниками для собственных нужд. В городах ДВО за первые послевоенные годы (1923—1925) было построено всего 68,6 тыс. кв. м жилья, в среднем за год — 22,8 тыс. кв. м [2, с. 264]. Темпы роста населения намного опережали темпы роста строительства. В 1923 г. в городах в среднем на человека приходилось чуть более 5,6 кв. м, что было ниже санитарной нормы. Дефицит жилой площади в 1923 г. оценивался в 535 тыс. кв. м, в 1926 г. — в 660 тыс. кв. м. Для достижения показателя средней обеспеченности на одного человека в 8 кв. м требовалось вложить в строительство до 40 млн руб. По мнению специалистов, такие средства государство для решения жилищного кризиса изыскать не могло, поэтому «...недостаток в жилфонде надо считать длительным явлением» [7, с. 425].

Прямым негативным последствием Гражданской войны и установления советской власти стала неразбериха в ведении жилищного

² Дальневосточный край был образован 4 января 1926 г. вместо упразднённой Дальневосточной области.

хозяйства Дальнего Востока. Так, в Благовещенске было решено в течение 1923 г. выяснить общий объём всей жилой площади и установить контроль над использованием муниципальной [РГИА ДВ. Ф. Р-1810. Оп. 1. Д. 126. Л. 4], однако учёт всех имевшихся в городе строений горкомхоз смог произвести только к началу 1925 г., т.е. на это потребовалось два года [РГИА ДВ. Ф. Р-4611. Оп. 1. Д. 11. Л. 1].

Местные власти были ограничены в средствах для ведения нового жилищного строительства и проведения капитального ремонта муниципального жилфонда. Например, в Благовещенске за 1923 г. по всем муниципализированным зданиям (административным и жилым) было проведено ремонтно-строительных работ на сумму 32,7 тыс. руб.; на 1924 г. горисполком запланировал на это 43,7 тыс. руб., но из-за отсутствия средств план оказался не выполненным [РГИА ДВ. Ф. Р-1810. Оп. 1. Д. 126. Л. 5]. Губкомотдел смог произвести лишь покраску крыш и ремонт печей, т.е. самый неотложный ремонт, который не делался на протяжении нескольких лет.

В Хабаровске президиум горсовета на своих заседаниях неоднократно обсуждал вопрос о финансировании жилищного строительства, план на 1926/27 финансовый год переделывался пять раз и был окончательно утверждён только 3 августа 1927 г., т.е. за два месяца до окончания указанного хозяйственного года. Согласно плану, на новое строительство было выделено 53,230 тыс. руб., на ремонт старых домовладений — 50,277 тыс. руб. (включая и ремонт тротуаров) [ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 4. Л. 14].

Попытки изыскать средства за счёт кредитов, как правило, не давали результатов. В частности, Хабаровский горсовет, попытавшийся взять кредит на 269 тыс. руб. в одном из банков Москвы на жилищное строительство, денег не получил. В результате начатое горсоветом ещё в 1925/26 хозяйственном году строительство четырёх небольших домов (общей площадью 1710 кв. м) в 1926/27 г. закончено не было, а план по жилстроительству на 1927/28 г. пришлось сократить [ГАХК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 4. Л. 16, 18].

Не удовлетворялись просьбы местных властей о кредитовании частных, которые хотели бы вести новое строительство. Так, Благовещенский горсовет летом 1927 г. обращался в правление Дальневосточного краевого коммунального банка с просьбой обсудить вопрос об открытии кредита для владельцев жилых домов в городе с целью ремонта и нового строительства, но им было отказано в долгосрочном кредите, правление сочло возможным предоставить лишь краткосрочные займы на ремонт [РГИА ДВ. Ф. Р-4611. Оп. 1. Д. 12. Л. 126].

Коммунальный отдел Крайисполкома на своих заседаниях в течение 1927 г. неоднократно обсуждал вопрос об организации Дальне-

восточным краевым коммунальным банком кредитования частного строительства, но в конечном итоге это предложение было отвергнуто [РГИА ДВ. Ф. Р-4611. Оп. 1. Д. 12. Л. 127].

В целом по ДВК объёмы частного жилищного строительства были незначительны. Более того, отдельные частники не стремились вести даже текущий и капитальный ремонт своих домовладений, хотя горкомхозы указывали им, что они обязаны этим заниматься [РГИА ДВ. Ф. Р-4611. Оп. 1. Д. 38. Л. 1]. Их можно было понять, поскольку они до конца не были уверены в сохранении своих прав на недвижимость в дальнейшем. Система выселений, переселений, уплотнений создавала у населения неуверенность в возможности пользоваться жилищем длительное время [6, с. 67].

Средства на ремонт и новое строительство можно было изыскать за счёт квартирной платы, но она была заведомо низкой (в силу того же классового подхода), не покрывавшей даже текущих расходов на содержание и обслуживание жилья. Только с 1926 г. квартплата в городах ДВК стала повышаться, чтобы хотя бы минимально покрывать эксплуатационные расходы на содержание жилого фонда (уборка мусора, работа водопровода, электроосвещение и т.д.). Эта была не местная инициатива, а общегосударственная политика, власти стремились сделать расходы на пользование муниципальным жильём самоокупаемыми. По РСФСР размеры квартплаты постепенно приближаются к себестоимости: 1925/26 хозяйственный год — 30%, 1926/27 — 50%, 1927/28 — 65% [ГАХК. Ф. Р-643. Оп. 1. Д. 11. Л. 97].

Несмотря на низкий размер квартплаты (ниже себестоимости обслуживания жилья), она к тому же не всеми вовремя вносилась, имели место задолженности. Так, по состоянию на август 1928 г. в Хабаровске задолженность по квартплате составляла 15 369 руб. Президиум Хабаровского горсовета требовал от горкомхоза не реже одного раза в месяц предоставлять информацию о принятых мерах по ликвидации задолженности по квартплате [ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 7. Л. 8].

Отсутствие средств не позволяло активно вести кооперативное жилстроительство. 19 августа 1924 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации», законодательно утвердившее два вида кооперации в жилищной сфере: жилищно-арендные и жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖАКТ и ЖСКТ). ЖАКТ занимались содержанием и обслуживанием жилых домов, арендованных у местных Советов. Они предоставляли жилую площадь своим пайщикам, собирали квартирную плату, решали вопросы по обеспечению жильцов коммунальными услугами (вода, электричество, топливо), были обязаны проводить

текущий и капитальный ремонт [8]. ЖСКТ вели жилищное строительство, для чего получали земельные участки, вели сбор средств среди пайщиков, решали вопросы по получению долгосрочных государственных кредитов, приобретали стройматериалы, нанимали рабочую силу и т.д.

На Дальнем Востоке жилищно-строительные кооперативы не получили развития. За четыре года (с 1924 по 1927 г.) кооперативы построили всего 51 жилое здание небольших размеров [4, с. 59]. О развитии кооперативного строительства можно судить по тому, как оно финансировалось. В 1928—1929 гг. из всего объёма средств, расходуемых на жилищное строительство, на долю кооперации приходилось всего 6 млн руб., что составило 4% от всех затрат на жилищное строительство. Для сравнения, население из собственных средств потратило 17 млн руб., промышленные предприятия — 44 млн руб. [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 119. Л. 102].

Развитию кооперации препятствовала, прежде всего, нехватка средств у желающих вступить в кооператив, поскольку материальное положение трудящихся было крайне тяжёлым. Так, были случаи, когда люди, подав заявление о вступлении в ЖСКТ, не могли сразу внести первоначальный взнос в 100 руб. (так называемый пай), ограничивались суммой в несколько рублей, а спустя некоторое время были вынуждены писать заявление о выходе из кооператива и возвращении денег [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 119. Л. 24]. Кроме того, у кооперативов возникали проблемы с приобретением стройматериалов. Даже лесоматериалы приходилось доставать с большим трудом. Все стройматериалы шли на промышленно-транспортное строительство. Существовавшие до Гражданской войны предприятия по производству строительных материалов (кирпичные заводы, лесопилки, карьеры по добыче песка и гравия) частично были разрушены, частично приостановили работу, а если и работали, то выпускали продукцию в ограниченных объёмах.

Так, в 1923 г. из работавших ранее лесопильных заводов в числе действующих осталась лишь незначительная часть. В распоряжение государства перешли национализированные у бывших владельцев заводы, несколько частных продолжали работать в Приморье [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 179а. Л. 87]. Практически все существующие лесопильные заводы работали на экспорт и для Уссурийской железной дороги (шпалы, телеграфные столбы), лишь незначительная часть их продукции шла в виде стройматериалов на постройку и ремонт жилищ. Примечательно, что изъятие лесопильных заводов у частных и передача их в руки государства пагубно сказались на их работе. Так, Бикинский завод, входивший в государственный трест «Дальлес», работал плохо, администрация ни авторитетом,

ни доверием среди рабочих не пользовалась и должным образом наладить работу не смогла. Одно время на предприятии даже была угроза забастовки [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 621. Л. 10].

Вся промышленность строительных материалов Дальнего Востока в конце 1920-х гг. (пять кирпичных заводов мощностью на 24 млн шт. кирпича, цементный завод на 200 тыс. бочек цемента, семь лесопильных заводов мощностью 100 тыс. куб. м пиломатериалов и несколько каменоломен) должна была удовлетворять потребности всех видов строительства, но могла делать это не в полном объёме: по кирпичу — на 51%, цементу — 65%, пиломатериалам — 67% [РГИА ДВ. Ф. Р-2492. Оп. 1. Д. 162. Л. 19, 22].

Все вышеперечисленные факторы: отсутствие средств, нехватка стройматериалов, нежелание частников вкладываться в жилищное строительство, бедность рабочих и невозможность строить кооперативное жильё — всё это не позволяло ликвидировать послевоенный жилищный кризис. Примечательно, что местное партийное руководство долгое время не хотело признавать наличие такового. Анализ архивных документов убеждает в том, что о жилищном кризисе в первый год после окончания Гражданской войны ничего не говорилось. Впервые озабоченность состоянием дел по жилищной проблеме была обозначена на второй Приморской губернской партконференции (март 1924 г.), где в резолюции по итогам её работы было отмечено: «Текущей весной и летом принять меры к максимально лучшему разрешению жилищного вопроса для рабочих» [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 356. Л. 86]. Важно отметить, что власти если и хотели решать жилищную проблему, то только для рабочих, игнорируя потребности служащих, представителей интеллигенции, не говоря уже о так называемых нетрудовых элементах.

Настроения властей характеризует выдержка из материалов пленума Приморского губкома РКП(б) (25 сентября 1924 г.): «...жилищный вопрос во Владивостоке, как и на местах, стоит не аховски остро, а вообще-то жилищного вопроса у нас нет... В Хабаровске тоже нет жилищного вопроса» [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 360. Л. 94].

На VII Дальневосточной краевой партийной конференции (ноябрь 1925 г.) о нехватке жилищ не было сказано ни в докладе секретаря Дальневосточного крайкома ВКП(б) Н.А. Кубяка, ни в прениях по докладу. Лишь в резолюции конференции было отмечено, что вопросы жилищного строительства являются частью общеэкономических задач Дальневосточного края [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 105]. Специалисты по жилищно-коммунальному хозяйству в публикациях 1920-х гг. также не высказывали особой тревоги по поводу существующего жилищного кризиса на Дальнем Востоке [1, с. 105].

С каждым годом, прошедшим с окончания Гражданской войны, жилищный кризис не уменьшался, а возрастал. Жильё не строили, мало ремонтировали, население городов росло, а жилой фонд оставался практически на прежнем уровне. С учётом этого удовлетворять потребности людей в жилье было всё труднее и труднее. Власти начали всё чаще говорить о жилищном кризисе и проявлять озабоченность по этому вопросу. Так, на Владивостокской окружной партконференции в апреле 1926 г. выступавшие в прениях говорили: «Жилищный вопрос у нас чрезвычайно тяжёл, он играет огромную роль в вопросах производительности труда и среди всех тех факторов, которые влияют на работу каждого отдельного рабочего» [ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 710а. Л. 19]. В марте 1927 г. на VIII Дальневосточной краевой партконференции партийное руководство было вынуждено признать, что в регионе наблюдается жилищный кризис, жилищно-бытовые условия отвратительные, жилые помещения находятся в полуразрушенном состоянии [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 36. Л. 20, 28, 36, 64].

Тем не менее в народно-хозяйственных планах на 1927 г. приоритет отдавался промышленному строительству (и это ещё до начала широкомасштабной индустриализации в регионе). В планах строительных работ по ДВК (включая Читинский округ) на 1927 г. на промышленное строительство намечалось потратить 9,495 млн руб., а на жилищное — 3,985 млн руб., т.е. в 2,4 раза меньше [РГИА ДВ. Ф. Р-2492. Оп. 1. Д. 159. Л. 10]. В дальнейшем диспропорции в соотношении промышленного и жилищного строительства ещё более увеличились, в 1929 г. по промышленному строительству было выполнено работ на сумму 12,683 млн руб., а по жилищному — на 3,587 млн руб., т.е. по жилстроительству в 3,5 раза меньше [РГИА ДВ. Ф. Р-2492. Оп. 1. Д. 102. Л. 84].

На IX Дальневосточной краевой партконференции в марте 1929 г. ситуация в жилищной сфере оценивалась всё так же негативно: «в ДВК жесточайший жилищный кризис и приём на работу новых рабочих проблематичен из-за нехватки жилья» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 119. Л. 28].

В 1929 г., формально положившем конец восстановительному периоду, перед страной партия поставила новые задачи по форсированной индустриализации. Жилищный кризис к этому времени не только не был преодолен, он продолжал углубляться, что выразилось в уменьшении размеров жилой площади, приходящейся в среднем на одного человека, в конфликтах на почве жилищной проблемы, возрастании потока жалоб во властные структуры по поводу обеспечения жильём и т.д. В дальневосточных городах тенденция

по сокращению жилой площади, приходящейся в среднем на одного горожанина, приняла устойчивую динамику. В 1923 г. в среднем на одного человека приходилось 5,6 кв. м, в крупных дальневосточных городах ситуация была хуже, и с каждым годом положение усугублялось: в 1926 г. во Владивостоке на одного человека приходилось 4,5 кв. м, в Хабаровске — 4,1 кв. м [5, с. 32], в начале 1930-х гг. во Владивостоке — 3,8 кв. м, в Хабаровске — 3,2 кв. м; в середине 1930-х гг. во Владивостоке — 3,2 кв. м, в Хабаровске — 2,8 кв. м; в конце 1930-х гг. во Владивостоке — 2,7 кв. м, в Хабаровске — 2,6 кв. м [ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 105. Л. 217—218].

Таким образом, Гражданская война и установление советской власти стали причинами жилищного кризиса, который был не только не преодолен за время восстановительного периода в годы новой экономической политики, а ещё более углубился. Причины этого заключались, прежде всего, в разрушении старой буржуазно-демократической системы, при которой частный капитал и частная инициатива лучше справлялись с удовлетворением потребностей населения в жилищных услугах (исходя из экономических возможностей каждого потребителя жилья). Советское государство преуспело в экспроприации частной недвижимости, но организовать жилищное строительство на должном уровне ему не удалось. Как не удалось проводить своевременный капитальный ремонт для сохранения существующего жилого фонда, наладить производство строительных материалов, осуществлять распределение жилья с учётом трудового вклада каждого советского гражданина и решить ряд других проблем. Жилищный кризис продолжался вплоть до конца 1950-х гг., к его преодолению государство приступило лишь с началом массового жилищного строительства, чтобы начать в полной мере решать насущную жилищную проблему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губонин Н.А. Жилищный фонд городов Дальнего Востока // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 11. С. 104—114.
2. Дальневосточный край в цифрах. Хабаровск: Книжное дело, 1929. 284 с.
3. Декреты Советской власти. 11 июля — 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964. Т. III. 676 с.
4. Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. Хабаровск: Дальневосточная краевая плановая комиссия, 1927. 104 с.
5. Кулинич Н.Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920—1930-е годы. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2010. 375 с.

6. Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР с 1917 по 1941 г. // КЛИО. 2009. № 2. С. 65—78.
7. Петров А.А. Строительство коммунального хозяйства // Капитальное строительство Дальневосточного края. Хабаровск: Дальневосточная краевая плановая комиссия, 1927. С. 421—436.
8. Положение «О жилищной кооперации», принятое 19 августа 1924 г. ЦИК и СНК СССР. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3035#meZgyfT5zcGsf9jU> (дата обращения: 30.05.2023).
9. Туркатын Г.Ф. Восстановление разрушенного города Николаевска-на-Амуре // Советское Приморье. 1925. № 7. С. 102—106.
10. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
11. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
12. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Gubonin N.A. Zhilishchnyy fond gorodov Da'lnego Vostoka [Housing Stock of the Cities of the Far East]. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*, 1925, no. 11, pp. 104—114. (In Russ.)
2. *Dal'nevostochnyy kray v tsifrakh* [The Far Eastern Region in Numbers]. Khabarovsk, Knizhnoe delo Publ., 1929, 284 p. (In Russ.)
3. *Dekrety Sovetskoy vlasti. 11 iyulya — 9 noyabrya 1918 g.* [Decrees of the Soviet Government. July 11 — November 9, 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1964, vol. III, 676 p. (In Russ.)
4. *Kontrol'nye tsifry narodnogo khozyaystva Dal'nevostochnogo kraya na 1927—1928 gg.* [Control Figures of the National Economy of the Far Eastern Region for 1927—1928]. Khabarovsk, Dal'nevostochnaya kraevaya planovaya komissiya Publ., 1927, 104 p. (In Russ.)
5. Kulinich N.G. *Povsednevnyaya kul'tura gorozhan sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920—1930-e gody* [Every Culture of the Citizens of the Soviet Far East in the 1920s—1930s]. Khabarovsk, Izd-vo Tikhookeanskogo gos. un-ta Publ., 2010, 375 p. (In Russ.)
6. Meerovich M.G. *Zhilishchnaya politika v SSSR s 1917 po 1941 g.* [Housing Policy in the USSR from 1917 to 1941]. *KLIO*, 2009, no. 2, pp. 65—78. (In Russ.)
7. Petrov A.A. *Stroitel'stvo kommunal'nogo khozyaystva* [Construction of Public Utilities]. *Kapital'noe stroitel'stvo Dal'nevostochnogo kraya* [Capital Construction of the Far Eastern Region]. Khabarovsk, Dal'nevostochnaya kraevaya planovaya komissiya Publ., 1927, pp. 421—436. (In Russ.)
8. *Polozhenie «O zhilishchnoy kooperatsii», prinyatoe 19 avgusta 1924 g. TsIK i SNK SSSR* [The Regulation “On Housing Cooperation”, Adopted on August 19, 1924 by Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the Soviet Union]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3035#meZgyfT5zcGsf9jU> (accessed 30.05.2023). (In Russ.)
9. Turkatina G.F. *Vosstanovlenie razrushennogo goroda Nikolaevska-na-Amure* [Restoration of the Destroyed City of Nikolaevsk-on-Amur]. *Sovetskoe Primor'e*, 1925, no. 7, pp. 102—106. (In Russ.)